

А. Айсфельд

Институт культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ
ПРИЧЕРНОМОРСКИХ НЕМЦЕВ
В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД
(1917–1920)**

Розглянуті спроби німецького населення Причорномор'я, яке усвідомлювало себе складовою частиною населення країни (Росії, України), створити у взаємодії з легітимною владою організаційні засади для відновлення та збереження правопорядку й цивільного життя в умовах багаторазової зміни влади і громадянської війни.

The author studies the attempts of the German population, that considered themselves as a part of population of a country (Russia, Ukraine), to arrange cooperation with legitimate power to renew and save law and order in ordinary life under the conditions of Civil war.

После начала Первой мировой войны вслед за именованным указом императора «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 г.» были изданы 23 акта т. н. чрезвычайного законодательства общегосударственного значения и ряд второстепенных, уточнявших и дополнявших принятые законы об ограничении права граждан воюющих с Россией стран на различные виды предпринимательской деятельности [9, с. 225–236]. Помимо ограничений, затронувших финансовую сторону деятельности частных предпринимателей и обществ, центральное значение имели законы, ограничивавшие землевладение и землепользование сначала австрийских, венгерских и германских выходцев, состоявших в русском подданстве с 1888 г., а затем направленные практически против всех российских подданных, предки которых были родом из воюющих с Россией государств. Первый из 11 известных «ликвидационных законов» о землевладении и землепользовании был принят 2 февраля 1915 г., а последний – 8 февраля 1917 г. [6, с. 60-61].

О вреде ликвидации землевладения и землепользования для народного хозяйства и для снабжения действующей армии хлебом неоднократно шла речь в Государственной думе и Совете министров [7, с. 26–29], однако рациональные доводы не имели воздействия на распространение дискриминационных мер на все новые регионы России.

Применение ликвидационных законов на местах было сопряжено с дальнейшей дискриминацией, шедшей уже в разрез с самими законами. Так, в Херсонской губернии в начале 1915 г. предписанием генерал-губернатора М. И. Эбелова были запрещены всякие сделки с поселянами-немцами по продаже их земельной собственности в частные руки. Тем самым добровольная ликвидация в течение предусмотренных законом 16 месяцев стала невозможной. Вопреки закону ликвидировались также земельные владения немцев, находившихся в действующей армии [Там же].

В 1916 г. по Херсонской губернии составлялись списки поселян-немцев для оценки стоимости их недвижимости. В опубликованном списке значилось 2 110 владений, из которых Херсонский крестьянский поземельный банк приобрел 670 (общей площадью 189 500 дес.) [6, с. 63].

В отношении немцев – российских подданных после начала войны также были предприняты меры, ограничивающие их общегражданские права, изменявшие устои жизни. Так, согласно циркуляру № 55 по земскому отделу МВД от 15 октября 1914 г. все колонии и селения, носившие немецкие названия, подлежали переименованию с присвоением им русских названий. Так, Ландау переименовали в Свято-Покровское, Шпейер – в Карпатское, Карлсруэ – в Петро-Павловское, Иоганнесталь – в Пушкино и т. д. [4, Ф. 91, оп. 3, д. 366, л. 4-5].

В сентябре 1914 г. в экстренном порядке на места последовал запрет использования немецкого языка в общественных местах и распоряжение о снятии всех вывесок на немецком языке [Там же, Ф. 61, оп. 2, д. 321, л. 94; Ф. 67, оп. 1, д. 851, л. 202]. В ноябре 1914 г. генерал-губернатор М. И. Эбелов запретил проведение службы на немецком языке в лютеранских церквях и молитвенных домах и всякие скопления немцев на улицах [7, с. 25]. В дальнейшем Эбелов предписал населению колоний разговаривать вне своих жилищ иск-

лючительно на русском языке, а сельским должностным лицам следить за исполнением этого предписания и самим вести все делопроизводство исключительно на русском языке.

Политика царского правительства и действия администрации по ее проведению всеми социальными слоями и профессиональными группами немцев оценивались как дискриминация. Об этом свидетельствуют документы ЦК Союза русских немцев, собрания солдат и офицеров – русских немцев (Одесса, 20 июня 1917 г.) и собрания рабочих и ремесленников (Одесса, 24 июня 1917 г.) [4, Ф. Р.-3829, оп. 1, д. 25, л. 24 об.].

11 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О приостановлении исполнения узаконений о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских или германских выходцев», а 21 марта – постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений».

На фоне деклараций Временного правительства и программных заявлений политических партий не вызывает никакого удивления то, что в г. Одессе уже 18 марта 1917 г. состоялось первое собрание представителей немецкого населения. 28 марта было принято решение о создании Всероссийского союза русских немцев, состоящего из 17 региональных комитетов, в которых предполагалось объединить все немецкое население России.

Создание Союза мотивировалось следующим образом: «Правительство призывает все народности страны к государственному строительству – придется этим заняться и нам. Воспитание наших детей, программы наших школ, обучение нашего юношества будущих граждан великой нашей родины, вопросы нашего хозяйства – вот те основания, которые обязывают нас всех идти вместе, быть членами одной семьи и общими силами помогать родине» [8, с. 3].

Собрание 28 марта посетил комиссар Временного правительства Л. К. Велихов. Одним из первых решений было – установить связь с депутатом Государственной думы Л. Лютцем для того, чтобы тот представлял интересы немецкого населения в столице и доводил их до сведения правительства. В дальнейшем был создан Главный комитет в Петербурге, в состав которого входили представители различных регионов России с немецким населением.

Характерным для дальнейшей политической работы была ее гласность и контакт с Временным правительством, депутатами Государственной думы, политическими партиями и администрацией.

Большие надежды немецкое население возлагало на Учредительное собрание, которое должно было заложить фундамент для демократического государства в России, учитывающего интересы всех ее народов и социальных слоев.

Недоверие к существовавшим до революции политическим партиям, допустившим принятие «ликвидационных законов», привело к тому, что на 2-м конгрессе Союза немцев-колонистов Причерноморья, проходившем 1-3 августа 1917 г. в Одессе, был принят ряд решений по земельному вопросу, а также по вопросам, связанным с выборами в земство и в Учредительное собрание. Союз, насчитывавший к этому времени 7240 членов, входивших в 45 первичных групп, отдавал приоритет совместным действиям с Поволжским, Северо-Кавказским, Сибирским центральными комитетами российских граждан немецкой национальности и Главным комитетом этих ЦК в Петрограде. Эти решения нашли поддержку проходившего в Одессе 3 сентября 1917 г. совещания полномочных представителей немецких волостных комитетов Одесского уезда, принявших решение участвовать в предстоящих выборах единым списком кандидатов, получившим название «Список русских немцев» (затем – «Список русских граждан немецкой национальности»).

Примечательно, что слывшие далекими от политики меннониты также включились в политическую борьбу, создали собственную организацию, охватившую все меннонитское население и вошедшую в тесный контакт и сотрудничество с немецкими региональными организациями [1].

Как известно, на выборах в Учредительное собрание ни один из кандидатов немецкого населения ни в Причерноморье, ни в Поволжье избран не был. Учредительное собрание было разогнано большевиками и не смогло сыграть той роли, которая ему отводилась в представлении большинства политических партий и населения России.

Следующим историческим рубежом для Украины и Причерноморья стало провозглашение 7 ноября Центральной Радой Украинской

Народной Республики и 1-м Всеукраинским съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Харькове Украинской советской республики как части советской России. Центральная Рада подписала Брест-Литовский мирный договор с последовавшим введением австро-венгерских и германских войск. Для немецкого населения сложилась весьма неоднозначная ситуация, в которой, как казалось многим, появились альтернативные перспективы на будущее.

9 января 1918 г. Центральная Рада приняла закон о национально-персональной автономии [5, с. 99–101]. Закон предусматривал создание экстерриториальных культурных автономий для русских, евреев и поляков. Белорусы, чехи, молдаване, немцы, татары, греки и болгары также могли создать свои национально-персональные автономии. Для этого национальная группа должна была собрать в своем национальном кадастре более 10 000 подписей. Количество немецкого населения позволяло легко преодолеть этот барьер.

Иначе встал вопрос об украинском гражданстве. Каждый житель Украины мог в течение трех месяцев (закон о гражданстве от 20 марта 1918 г.) оптировать за принятие украинского гражданства или за отказ от него. В случае принятия украинского гражданства грозила безвозмездная национализация земли на общих основаниях согласно 3-му Универсалу Центральной Рады от 7 октября 1917 г. [18, S. 393–395]. Тем самым преимущественно земледельческое немецкое население лишилось бы своей экономической основы.

Присутствие австро-венгерских и германских войск вызвало у части населения надежду на то, что в случае принятия германского гражданства национализации можно будет избежать. Этим надеждам не суждено было сбыться. Уже в середине лета 1918 г. стало ясно, что Германия не заинтересована в создании германской колонии Крым-Таврия, как и в массовом переселении немцев в Германию [18, S. 92–107]. Иными словами: немецкое население Украины рассматривалось государственными и военными властями Германии как иностранные подданные, за судьбу которых она не несет ответственности, выходящей за рамки поддержания общественного порядка.

В преддверии ухода австро-венгерских войск Союз немецко-колонистов Причерноморья приложил немало усилий для того, чтобы создать для немецкого населения правовую основу дальнейшей жи-

зни в составе Украинского государства. В ноябре 1918 г. им был разработан проект организации автономного управления немецких колоний Украины на основании Закона о национально-персональной автономии, который был введен в действие Директорией 16 декабря 1918 г. Проект состоял из 459 статей [документ готовится к публикации в: 27]. В числе 24 разделов были такие: управление, исполнительная власть, полиция, вооруженные силы, правосудие, здравоохранение, образование, налоги и сборы.

Вооруженные силы предусматривалось организовать по принципу милиции под руководством генерала.

Страхование, учебные заведения, пожарная охрана, нотариат, полиция, национальный банк расписаны в этом проекте довольно подробно. Необходимо, однако, заметить, что по большей части это были вопросы, относившиеся ранее к компетенции земских органов управления, в которых немецкое население было представлено через гласных на протяжении уже более 40 лет.

Правила организации самообороны в немецких колониях были утверждены представителем украинского правительства при командующем австро-венгерским корпусом 18 ноября 1918 г. и вступили в силу на следующий день. Они были разосланы сельским и волостным правлениям и опубликованы в газете «*Odessaer Rundschau*» [14, с. 2]. Согласно этим правилам все мужчины были обязаны к несению караульной службы. Отряды отдельных колоний имели своих выборных командиров и объединялись в сводные отряды района (волости) также с выбранным из своей среды командиром [22].

В марте 1919 г. Одесская уездная управа ввиду участвовавших в уезде убийств, грабежей и насилия возбудила вопрос о необходимости организации охраны из среды местного населения, т. к. «силами правительственной власти оградить население» было невозможно. 13 марта комиссия Земского банка Херсонской губернии сообщила волостным управам о выделении 25 000 руб. на нужды отрядов самообороны немцев-колонистов, что означает – отряды самообороны были легальными силами поддержания общественного порядка [2; 17; 19].

Установление советской власти в Одессе и губернии 4 апреля 1919 г. повлекло за собой проведение политики военного коммунизма, т. е. введение монополии государства на землю, средства произ-

водства, сельскохозяйственные и промышленные продукты и на людские резервы. Самыми распространенными методами реализации этого монопольного права были реквизиции и мобилизации в размерах и в сроки, определяемые не легитимированными законом «чрезвычайными» органами, без учета экономического положения и потребностей населения, среди которого они проводились.

Государственная монополия на сельскохозяйственную продукцию сама по себе была не нова. Уже царское правительство ввело ее, а Временное правительство обновило, правда, повысив закупочные цены на 60 % и создав продовольственные комитеты с широким представительством различных административных органов, кооперативов и др. [13, с. 339–341].

Советская власть требовала хлеб и другие продукты, обещая в обмен светлое будущее. Сельские общества всеми силами старались оградить себя от набегов банд и грабежа имущества, в т. ч. и органами, объявившими себя «властью». Тем самым они встали в оппозицию к политике «военного коммунизма» и «красного террора».

Общение власти с населением носило репрессивный характер, и всякое неповиновение советской власти каралось опять же «чрезвычайными», не легитимированными законом органами.

Обострение обстановки произошло после того, как Ян Гамарник на губернском съезде советов Одесской губернии 11–13 июля 1919 г. провозгласил политику «военного коммунизма» и «красного террора» [12, 205]. Через неделю группа «Спартаконцев», состоявшая из германских и австрийских военнопленных и числившаяся немецкой группой украинской компартии, попыталась провести в к. Гросс-Либенталь мобилизацию для Красной Армии. Возникли беспорядки, переросшие в крестьянское восстание, охватившее несколько волостей Одесского и Тираспольского уездов с немецким и русским населением. (По одним сведениям восстание началось в Гросс-Либентале [21, S. 129], по другим – 29 июля в Мангейме [12, с. 205].) Для подавления восстания пришлось снять части Красной Армии с фронта, который не выдержал наступления белых. Частям Красной Армии под командованием И. Э. Якира пришлось покинуть Одессу. В город вступили части Добровольческой армии [3, с. 120–121].

После установления власти Добровольческой армии Союз немцев-колонистов Черноморского края предпринял попытку урегулировать земельный вопрос. Согласно постановлению совета при главнокомандующем Новороссийской области была образована специальная комиссия для рассмотрения ходатайств поселян-собственников. Ее первое заседание состоялось 13 октября 1919 г. [4, Ф. 20, оп. 1, д. 26, л. 49-50]. Следующее заседание было назначено на 15 октября. Результаты работы этой комиссии пока неизвестны.

Центральный комитет немцев-колонистов Черноморского края немедленно установил контакт с командованием Добровольческой армии и заручился его поддержкой относительно отрядов самообороны. ЦК немцев-колонистов на своем заседании 15/28 августа 1919 г. создал Центральный совет самообороны, подчиненный ЦК немцев-колонистов [16, л. 4]. Отряды самообороны возглавил генерал-майор Г. -А. Я. Шелль.

Содержалась самооборона за счет особого налога, взимаемого в размере 5 руб. с десятины обрабатываемой земли [5, л. 25].

Приказом Центрального совета самообороны от 19 декабря 1919 г. начальником Одесского отряда самообороны был назначен полковник Г. В. Жданов, являвшийся начальником Государственной стражи Одесского уезда. Само создание отряда самообороны было санкционировано приказами командующего войсками Новороссийской области от 14 и 18 декабря 1919 г. [4, Ф. 67, оп. 1, д. 851, л. 1].

Одесский отряд самообороны немцев-колонистов, таким образом, являлся легальной вооруженной частью, задачей которой было поддержание общественного порядка на той части Одесского уезда, в которой проживало немецкое население. С обострением обстановки в декабре 1919 г. постановка вопроса изменилась. По приглашению ЦК немцев-колонистов Черноморского края 27 декабря состоялось совещание представителей ряда немецких и русских волостей Одесского, Тираспольского и Ананьевского уездов Херсонской губернии, на котором было решено создать народное ополчение Херсонской губернии под руководством Комитета, состоящего из представителей крестьян, колонистов, рабочих и горожан, для совместной защиты от нападения вооруженных банд [15, с. 1]. По мнению руководителя отрядов самообороны генерал-майора Шелля, это народ-

ное ополчение, в которое готовы были войти русские села, немецкие и болгарские колонии и городская дума Одессы, могло бы обеспечить порядок в полосе, оказавшейся между частями Добровольческой и Красной армий.

В начале января 1920 г. Одесский отряд самообороны был сконцентрирован в колонии Ландау, отдельные роты были размещены в колониях Шпейер и Розенфельд. Оснащение и обмундирование отряда, состоявший предположительно из 500 человек, получил от английской военной миссии и Союза немцев-колонистов Черноморского края. Понеся потери в боевых операциях, 23 января 1920 г. отряд прибыл в Одессу. Получив пополнение офицерского и рядового состава, «сводный отряд самообороны» в составе группы генерала Ф. Э. Бредова, отступая, перешел на польскую территорию и был интернирован в Кракове. В августе 1920 г. часть офицерского и рядового состава отряда переправилась в Крым и приняла участие в дальнейшей борьбе на фронтах гражданской войны.

Самооборона была не единственным полем деятельности Союза немцев-колонистов. Работали школьный отдел и торговое бюро, посредством которых на протяжении всего переходного периода с 1917 г. до 1920 г. пытались решить насущные вопросы немецкого населения. Выходили по очереди печатные органы Союза «Еженедельник», «Wochenblatt», «Vereinszeitung», «Der Vereinsbote». С установлением советской власти в феврале 1920 г. на арене истории появилась власть, не считавшаяся с привычными для населения методами и целями управления. Органами управления стали сельские, волостные и уездные революционные комитеты, назначенные политуправлением частей Красной Армии и другие чрезвычайные органы советской власти.

Одной из первых мер советской власти была национализация так называемой земли нетрудового пользования для передачи ее безземельным и малоземельным крестьянам. Для этого создавались новые органы – земельные отделы. Они должны были принять к сведению, что в немецких колониях, за редким исключением, не находилось лиц, желавших принять участие в национализации земли. Крайне непопулярными были изъятие зерна и других продуктов, мобилизация призывников и лошадей для Красной Армии.

Этой политике советской власти колонисты оказали сопротивление. Весной 1920 г. под руководством колониста Л. Шока была создана подпольная организация, установившая контакты с группами белогвардейцев и петлюровцев для совместного выступления. В середине июня весь штаб подпольной организации был арестован, но восстание в районе березанских колоний Одесского уезда, тем не менее, началось 18 июня и продолжалось с переменным успехом до конца августа. Вооруженное сопротивление было подавлено лишь в августе 1921 г. после ареста 67 человек [3, с. 112–125].

31 июля 1920 г. Одесский уездный ревком распустил все волостные и сельские ревкомы и назначил новые. Одной из первых обязанностей новых ревкомов было создание троек для «расследования бездеятельности бывших членов исполкомов и ревкомов». Другой задачей было создание комитетов незаможных селян (КНС) для классового расслоения сельского населения. Эта задача сопровождалась санкцией на случай ее невыполнения: «Если в течение недели комнезаможи не будут организованы, то предревкомы будут преданы суду за бездействие в борьбе с заможным селянством» [10, л. 344].

С середины августа, т. е. времени уборки урожая, была развернута «кампания по борьбе с кулацким засильем», суть которой заключалась в вывозе зерна из колоний и деревень. Руководила кампанией уездная тройка нажима на кулака. В одной из сводок штаба 41-й стрелковой дивизии, участвовавшей в кампании, сообщалось о бесчинствах в немецких колониях: «В немецких колониях Бадене и Страсбурге находившиеся там воинские отряды ВОХРА и Тираспольского УЧК учинили несколько бесчинств. Сбросили нагруженный на 70 подводых хлеб в грязь посреди улицы (хлеб был приготовлен к отправке в Одессу) и велели гнать подводы в Тирасполь. Пьяные ходили по улицам, стреляли собак и гусей, разогнали сельскую власть и навели страшную панику на всех жителей» [4, Ф. П-3, оп. 1, д. 14, л. 20].

Немецкая секция при отделе управления Одесского губисполкома отмечала, что немецкие колонии рассматривались как неисчерпаемый источник для взимания недоимок по разверстке и переразверстке. В них задания по продразверстке были выполнены на 100–120 %,

в то время как соседние с ними деревни, населенные русскими, украинцами, болгарами и молдаванами, не выполнили и половины назначенной им нормы [11, с. 267].

Подводя итоги, можно отметить, что в рассмотренный переходный период в центре внимания немецкого населения Одесского региона стояли вопросы правопорядка и общественной безопасности, участия в строительстве нового государственного строя, аграрная реформа, продовольственный вопрос, воинская повинность и мобилизация лошадей и подвод. Немецкие организации сотрудничали с каждой существовавшей в этот период властью, если это способствовало удовлетворению насущных потребностей повседневной жизни или открывало перспективы на будущее.

Отличительными принципами их действий были гласность и легальность действий, соблюдение правопорядка и демократизм в принятии решений.

Библиографические ссылки

1. Айсфельд, А. Политическая жизнь меннонитов России в 1917–1919 годах [Текст] / А. Айсфельд // Вопросы германской истории: сб. науч. ст. – Д., 2000. – С. 223–248.

2. Айсфельд, А. Самообороны отряды [Текст] / А. Айсфельд, А. Безносков // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. / О. Кубицкая (пред. редкол.) и др. – М., 2006. – Т. 3: П–Я. – С. 370–376.

3. Безносков, А. И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в гражданской войне на Юге Украины (1917–1921 гг.) [Текст] / А. И. Безносков // Вопр. германской истории. Немцы в Украине: материалы укр.-герман. науч. конф., 26–29 сентября 1995 г. – Д., 1996. – С. 112–125.

4. Государственный архив Одесской области [Текст]. – Ф. 20, оп. 1, д. 26; Ф. 54, оп. 1, д. 60; Ф. 61, оп. 2, д. 321; Ф. 67, оп. 1, д. 851; Ф. 91, оп. 3, д. 18; Ф. П–3, оп. 1, д. 14; Ф. Р–2106, оп. 3, д. 366; Ф. Р–3829, оп. 1, д. 25.

5. Закон Центральной Рады про національно-персональну автономію [Текст] // Українська Центральна Рада: документи і матеріали: у 2 т. – К., 1997. – Т. 2. – С. 99–101.

6. Коновалова, О. В. Немцы Юга Украины в 1914–1922 гг. По материалам Государственного архива Одесской области [Текст] / О. В. Коновалова // Немцы Одессы и Одесского региона: сб. докл., сделанных на междунар. науч. конф. в Геттингене (Германия). – О., 2003. – С. 54–82.

7. *Линдеман, К. Э.* Законы 2-го февраля и 13-го декабря (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России [Текст] / К. Э. Линдеман. – М., 1916.

8. Обращение ко всем русским немцам [Текст] // Еженедельник. Орган Всероссийского Союза русских немцев. – 1917. — № 1. – 16–22 апр.

9. *Поткина, И. В.* Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве (1914–1917 гг.) [Текст] / И. В. Поткина // Немецкие предприниматели в Москве: сб. ст. / сост. В. А. Ауман. – М., 1999. – С. 225–261.

10. Российский государственный военный архив [Текст]. – Ф. 39805, оп. 1, д. 1.

11. *Шевчук, Н. А.* Положение немецких колоний в Одесской губернии в 1920-е гг. [Текст] / Н. А. Шевчук // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг.: материалы междунар. науч. конф. Москва, 17–19 сентября 1999 г. – М., 2000. – С. 265–284.

12. *Шкляев, И. Н.* Мятаж [Текст] / И. Н. Шкляев // Аккерманские древности. – Белгород-Днестровский, 1997. – Вып. 1. – С. 204–208.

13. *Altrichter, H.* Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst [Text] / H. Altrichter. – Paderborn, 1997.

14. An alle Ortschaften des Schwarzmeergebiets mit deutscher Bevölkerung [Text] // Odessaer Rundschau. – 1918. – 30. November. – Nr. 220.

15. An die russischen Bauern und die Kolonisten! [Text] // Der Vereinsbote. – 1919. – Nr. 54. – 31. Dezember / 13. Januar 1920.

16. Auszug aus dem Protokoll der Sitzung des Zentralkomitees vom 15. /28. August 1919 [Text] // Der Vereinsbote. – 1919. – Nr. 19. – 27. August / 9. September.

17. *Beznosov, A.* Der Kampf ums Überleben: Selbstschutz der Deutschen und Mennoniten in der Ukraine [Text] / A. Beznosov // Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland / A. Eisfeld (hrsg.). – Stuttgart, 2008. – S. 90–94.

18. *Eisfeld, A.* Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich [Text] / A. Eisfeld. – Wiesbaden, 1985.

19. *Eisfeld, A.* Selbstschutz im Gouvernement Cherson [Text] / A. Eisfeld // Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland. – S. 95–105.

20. *Hornykiewicz, Th.* Ereignisse in der Ukraine 1914–1922 [Text] / Th. Hornykiewicz. – Philadelphia, 1966. – Bd. 1. – 36.

21. *Leibbrandt, G.* Hoffnungstal und seine Schwaben [Text] / G. Leibbrandt. – Bonn, 1980.

22. Selbstschutz-Ordnung gegen Bandenunwesen für die Ortschaften mit deutscher Bevölkerung im Schwarzmeergebiete [Text] // Odessaer Rundschau. – 1918. – 30. November. – Nr. 220. – S. 2; 1918. – 1. Dezember. – Nr. 221. – S. 2.

Надійшла до редколегії 01.04.09

О. І. Безносів

Дніпропетровський національний університет ім. О. Гончара

СПРОБА ВТЕЧІ З «РАЮ»: ЕМІГРАЦІЙНИЙ РУХ СЕРЕД МЕНОНІТІВ ТА НІМЦІВ-КОЛОНІСТІВ ПІВДНЯ УКРАЇНИ НАПРИКІНЦІ 20-х рр. ХХ ст.

Проаналізовані причини, ход подій і результати еміграційної кампанії менонітів і німецьких колоністів Юга України в кінці 20-х рр. ХХ в.

The article is analyzing cause, course of events and results of the Mennonite and German colonists emigration campaign at the end of 1920s.

В останній час вітчизняна громадськість проявляє велику зацікавленість до питань історії одного із переломних та доленосних періодів життя українського народу, а саме – періоду кінця 20-х – початку 30-х рр. ХХ ст. Безумовно, найбільш широкомасштабною та трагічною подією цього часового відтинку був голод 1932-1933 рр. Його дослідженню українські історики присвятили величезну кількість статей та монографій, у яких визначені та проаналізовані характер, масштаби та наслідки цього жахливого явища. Водночас значно меншою є кількість праць, присвячених вивченню подій, що передували масовій примусовій колективізації, катастрофічні соціально-економічні наслідки якої стали однією з головних причин голоду. І, нарешті, зовсім мало праць, в яких би розглядалися процеси, що розвивалися в цей період у середовищі національних меншин України. До таких етнічних груп належали також меноніти та німці-колоністи. Саме вони одні з перших вкрай негативно зреагували на поча-